

СТЕРЕОТИПНОСТЬ

В ТЕКСТЕ

УДК 008.009:39; 008.351.858

Леонтьева Тамара Ивановна

профессор кафедры
межкультурной коммуникации и переводоведения
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
tamara.leontieva@gmail.com

Филиппова Ольга Владимировна

старший преподаватель кафедры
межкультурной коммуникации и переводоведения
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
mimfil@mail.ru

САМОБЫТНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ НАЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются проблемы менталитета и национального характера англичан на примере произведений Д.Г.Лоренса. Используется метод филологического прочтения художественной литературы для выявления такой черты национального характера англичан, как любовь к природе. Делаются выводы о том, что культ природы у британцев имеет вековую историю и является незыблемой традицией трепетного отношения к земле, милому дому, личной территории.

Ключевые слова: менталитет, национальный характер, когнитивный подход, культура, комплексный анализ текста, лингвокультурологический портрет нации.

Мы живем в век сближения наций, поиска того, что объединяет нации и народности. Но в то же время необходимо глубокое проникновение в менталитет других наций, нахождение тех черт национального характера и тех традиций, которые составляют самобытность того или иного народа. Среди наиболее известных ученых, описывающих национальный характер и менталитет, следует отметить работы таких исследователей и писателей, как М.П.Любимов, В.В.Овчинников, С.Г.Тер-Минасова, В.П.Шестаков, R.Hill, G.Mikes и др. В данной статье пристальное внимание будет уделено работам специалистов, которые занимаются изучением этого вопроса на примере британской нации.

Л.В.Санжеева предлагает следующее определение менталитета: это «сложившаяся особенность психического мировосприятия, опосредованного культурными и социальными архетипами, создающего ориентиры жизнедеятельности человека» (Санжеева 2011: 186-187). При

этом автор замечает, что четкой структуры ментальное™ не существует. В других источниках разграничиваются понятия менталитета и национального характера. Так, Т.Г.Стефаненко рассматривает менталитет как систему «взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы», а национальный характер - как набор типичных черт отдельного народа (Стефаненко 2008: 133). Подобного разграничения придерживается и Д.В.Полежаев, который считает менталитет нации феноменом, оберегающим «социально-психические глубины общества (нации) от внешнего воздействия с целью его, общества, изменения извне» (Полежаев 2010). Национальный характер, по словам Д.В.Полежаева, проявляется в бытовых особенностях, в отношении к труду, к другим народам и к своей культуре (Там же).

Понимание национального характера тесно связано с языком и культурой. Давая определения понятию «культура», авторы в первую очередь выделяют такие значения, как совокупность всех достижений человечества (производственных, общественных и духовных); определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека; результаты развития общества в виде памятников литературы, искусства и т.п., относящихся к определенной эпохе и территории; сферу духовной жизни людей (Даль 1998: 217; Ожегов 1988: 252; Большой энциклопедический словарь 1998: 607; Матвеева 2010: 167). Культура дает возможность каждому народу осознать свою уникальность и неповторимость.

Согласно В.В.Воробьеву, «сохранение в культуре важнейших ценностей дает гарантию для адекватного понимания жизни нации как она отражается в ее языке» (Воробьев 2008: 33). Проблемы изучения языка и культуры привели в XXI веке к возникновению культурологии - «самостоятельной научной дисциплины, комплексно изучающей все проявления культуры и механизмы культурного развития в мире» (Рябова 2010: 200). Лингвокультурология изучает «мир в контексте его культурного существования, то есть со стороны того, чем этот мир является для человека, каким смыслом он для него наполнен» (Культурология... 2005: 4). Каждая нация имеет свою систему ценностей и традиций, знаний и верований, которые передаются от поколения к поколению и составляют ее менталитет.

Исследователи отмечают следующие черты британского национального характера: отношение ко времени, политике; организация пространства, вызванная особым, «островным» положением страны; чувство самоуважения; постоянство и стабильность во всех жизненных ситуациях; сентиментальность; вежливость; терпимость; сдержанность; британское чувство юмора и др. (М.П.Любимов, В.В.Овчинников, R.Hill,

G.Mikes). Однако самобытность англичан как отличных садоводов и раскрытие присущих им черт характера на фоне окружающей их природы описаны в гораздо меньшей степени.

Определенные попытки лингвокультурологического анализа литературных произведений, богатых описаниями природы, предпринимались. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах отражено в диссертационном исследовании О.В.Гавриленко (2010). Автор обратила внимание на отсутствие каких-либо комплексных исследований восприятия ландшафтного своеобразия, объективированного в национальных культурах мира (Гавриленко 2010: 3). О том, что англичане довольно своеобразно воспринимают окружающий их ландшафт, «обожествляют» его и руководствуются в своих действиях собственным отношением к этому прекрасному фону, писал В.П.Шестаков (Шестаков 2010: 20-21). В.В.Овчинников свидетельствует о сохранении в национальном менталитете англичан (британцев) присущего им образа родины в виде «обнесенного живой изгородью палисадника перед домом» (Овчинников 2008: 244).

Для более тонкого понимания сути национального менталитета необходимо изучение художественной литературы. Художественные произведения дают дополнительный материал к тому, что мы узнаем из научных и публицистических работ психологов, этнологов, политиков и др. На ценность классической литературы как источника сведений о национальном характере указывает С.Г.Тер-Минасова (Тер-Минасова 2008: 177). Литературные произведения создают лингвокультурологический портрет нации и позволяют увидеть в поведении людей то, что объединяет представителей всех народов. Принимая это во внимание, мы полагаем внести свою лепту в изучение английской литературы с вышеуказанной целью.

В настоящей статье предпринимается лингвокультурологический анализ художественных произведений Д.Г.Лоренса. Автор, представляющий своих героев на фоне великолепного английского пейзажа, не жалеет красок для передачи его красоты, демонстрируя все богатство языка. Рассмотрим этот фон и попытаемся понять чувства героев, их отношение к природе и друг к другу. Найдём ли мы Доказательства того, что англичане сентиментально относятся к своему Дому, лужайке перед ним и считают по-прежнему: «Мой дом - моя крепость»?

Для анализа были выбраны отрывки из рассказа "England, My England" (Lawrence 1977: 106-142) и романа "Lady Chatterley's Lover" (Lawrence 1962) Д.Г.Лоренса. В статье используется когнитивный подход

к изучаемому материалу, так как он позволяет открыть много нового в характере англичан и прийти к дополнительным знаниям и выводам в отношении их ментальное™. Что касается работы с текстом, то здесь применяется комплексный лингвостилистический и композиционный анализ, раскрывающий коммуникативное намерение Д.Г.Лоренса и дающий ответ на интересующие нас вопросы. Цель данного исследования состоит в ответе на вопрос о том, являются ли такие понятия, как «милый дом» (Home, Sweet Home), личная территория ("My house is my castle"), так называемая уединенность (privacy) и окружающая природа, приоритетными для англичан и британцев в целом.

В рассказе "England, My England" [Англия, моя Англия] автор представляет главного героя, молодого мужа Эгберта, с радостью и вдохновением работающего на своей земле.

He looked again, straining his keen blue eyes that had a touch of the Viking in them, through the shadowy pine trees as through a doorway, at the green-grassed garden-path rising from the shadow of alders by the log bridge up to the sunlit flowers. <...> The spirit of place lingering on primeval, as when the Saxons came, so long ago (Lawrence 1977: 106-107).

В который раз, напрягая синие острые глаза — глаза викинга, он обернулся, всматриваясь сквозь проем в стене молодого сосняка туда, где от осененного ольхой мостика взбегача на цветущий лужок поросшая зеленой травой дорожка. <...> Душа земли, хранящая первозданность, как в те далекие времена, когда сюда явились саксы (Лоренс 2013).

С помощью конвергенции стилистических средств в одном предложении: простого эпитета *keen blue eye* [синие острые глаза], синтаксического эпитета *a touch of the Viking* [глаза викинга], сравнения *as through a doorway* [как будто сквозь дверной проем], красочного определения *the sunlit flowers* [сверкающие на солнце цветы] - автор показывает чувство беспокойства героя: *He had set up his sticks, and taken the sights between the big pine trees, but for some reason everything seemed wrong* [И вроде бы колышками разметил, и направление определил - между большими соснами, а выходило почему-то не так].

Автор создает необыкновенную картину природы, достойную кисти художника. Перечисление различных названий растений «наполняет» текст свежестью и ароматом поля и леса. Читатель воспринимает произведение не только глазами, но и другими органами чувств. Такой текст можно назвать интермедийным, так как он одновременно с описанием рисует саму картину природы красками *white, purple, flamy, green, red, yellow* [белый, лиловый, пламенный, зеленый, красный, желтый] и наполняет ее звуками *the small brook that ran* [весело журчал ручеек] и запахами *amid flowers blossoming* [среди благоухающих цветов],

позволяет осязать ее *shaggy wildness* [косматый бурьян]. Автор обращает наше внимание на тонкое чувство прекрасного, которое характеризует Эгберта как настоящего британца с корнями, ведущими в далекое прошлое. Большую роль играет здесь гипербола *had been a garden for a thousand years* [этот сад живет уже тысячу лет], а также и аллюзия на саксонцев *as when the Saxons came* [как в те далекие времена, когда сюда явились саксы] и викингов *had a touch of Viking in them* [глаза викингов]. Повтор во внутренней речи героя *So old, so old a place!* [Старина, седая старина!] с расширением во второй части, а также восклицательная конструкция свидетельствуют об огромной привязанности его к земле, к труду на ней, к дому, к милой сердцу Англии. Он любит цветы и деревьями, чувствует трепет от близости дома, окруженного цветами, чувствует «дух места» [*the spirit of the place*] и испытывает, по-видимому, те же чувства, что и его предок, германский завоеватель, оставшийся тут благодаря неземной красоте лугов и полей.

Ah, how he had loved it! The green garden path, the tufts of flowers, purple and white columbines, and great oriental red poppies with their black chaps and mulleins tall and yellow, this flamy garden which had been a garden for a thousand years, scooped out in a little hollow among snake infested commons. He had made it flame with flowers, in a sun cup under its hedges and trees. So old, so old a place! And yet he had re-created it (Lawrence 1977: 107).

Ах, как он раньше любил все это! Зеленую дорожку, островки цветов - белые и лиловые водосборы, огромные яркие маки, атые, с черными прожилками: статные желтые коровяки - весь этот пламенеющий сад, который и тысячу лет назад уже был садом, возделанным в ложине среди змеиных пустошей. Сад, который у него запылился цветами на солнечной поляне под кустарником и деревьями. Старина, седая старина! И это он вернул ей молодость (Лоренс 2013).

Д.Г.Лоренс передает восторженность героя рассказа с помощью несобственно-прямой речи *Ah, how he had loved it!* [Ах, как он раньше любил все это!]. Это восклицание создает эмоциональную окраску, которую мог бы вложить в свое высказывание сам персонаж, это его речь, только переданная автором. Лоренс продолжает эту манеру рассказа, она помогает раскрыть особенности характера Эгберта, его очарованность самой жизнью, молодостью, любовью к жене, окружающим пейзажем, Домом, в котором хозяйка - его жена, и умение любоваться каждым отдельным цветком. Главное, что нас интересует, - это «образы и магия стиля» (Набоков 1996: 248). Именно то, что Эгберт способен замечать красоту цветов *purple and white columbines, great oriental red poppies* [лиловые и белые водосборы, огромные яркие маки, алые, с черными

прожилками] и что он сам создал этот пламенный цветник, является для нас важным.

Следует отметить, что любовь Эгберта к «своей Англии» не оставляет его на протяжении всего рассказа, и даже в минуты приближающейся смерти он замечает красоту вокруг себя и переживает не столько за свою жизнь, сколько за жизнь веток и цветков, которые гибнут от перестрелок и взрывов. Не вполне осознавая то, что снаряд может разорваться прямо над ним, не оглядываясь на него, радуясь тому, что взрыва не последовало, он замечает краем глаза окружающую его картину: *He only noticed a twig of holly with red berries fall like a gift on to the road below* [Он заметил только, что на дорогу внизу легла, точно приношение, веточка остролиста, усыпанная красными ягодами] (Lawrence 1977: 140). Этот предсмертный взгляд подтверждает нашу мысль о том, что любовь к природе является яркой чертой английского национального характера. Поэтому девиз "England, my England" сохраняет свою значимость.

В романе Д.Г.Лоренса "Lady Chatterley's Lover" [Любовник леди Чаттерли] (Lawrence 1962) действие происходит на фоне леса, окружающего родовую усадьбу Рагби. Лес, природа, погодные условия помогают автору выразить чувства героев, их привязанности, мечты, сокровенные мысли, понять характеры и поступки. Пейзаж и отношение к нему героев уже с первых страниц показывают, какие они разные.

Молодая супружеская пара Клиффорд и Конни Чаттерли живет уединенно и обособленно в своем поместье. Дни протекают уныло и однообразно на фоне скучного, тусклого пейзажа. Часто идет дождь, влажно и сыро, мертвенно-серая дымка окутала парк. Их жизнь кажется страшным диким сном под смрадным колпаком: *Life always a dream or a frenzy, inside an enclosure* [И вся жизнь - страшный, дикий сон под этим колпаком] (Lawrence 1962: 39). Только лоскуток голубого неба олицетворяет маленькую надежду на новую жизнь. Все живое тянется к нему:

In front lay the wood, the hazel thicket nearest, the purplish density of oaks beyond. From the wood's edge rabbits bobbed and nibbled. Rooks suddenly rose in a black train, and went trailing off over the little sky (Lawrence 1962: 39).

Невдалеке раскинулся лес: спереди плотной кучкой выстроились каштаны, за ними, догорая последним багрянцем, высились дубы. На опушке прыгали, вдруг застывая, как вкопанные, зацы. Снялась и устремилась к голубому небесному лоскутку большая стая грачей (Лоренс 1993: 43).

При описании леса Лоренс создает тематическую сетку слов, отражающую картину природы: эпитеты *purplish, black, little* [багрянистый, черный, маленький], с ними связаны лексические единицы, обозначающие животных и птиц *rabbits, rooks* [кролики, грачи], а также названия деревьев и кустарников *hazel thicket, oaks* [заросли лесного ореха, дубы]. С помощью этих средств автор подготавливает читателя к восприятию дальнейших событий романа.

Для Клиффорда лес является предметом гордости, он испытывает огромную ответственность, согласно долгу джентльмена, за сохранение старой Англии:

If some of the old England isn't preserved, there'll be no England at all," said Clifford. "And we who have this kind of property, and the feeling for it, must preserve it (Lawrence 1962: 41).

Если не сохраним ничего от прежней Англии, новой не будет вообще! И сохранять это нам, тем, кто владеет землей, лесами, тем, кому на это не наплевать! (Лоренс 1993: 45).

Стремление сохранить прежнюю Англию очень сильно в нем, что подчеркивается повтором глагола *preserve* [сохранять]. Здесь проявляется одна из главных ценностей британского общества - особое отношение к природе, к земле, к своим владениям: *One may go against convention, but one must keep up tradition* [Можно противиться условностям, но должно чтить традицию] (Lawrence 1962: 41). Охваченный чувством гордости и ответственности, Клиффорд мечтает о наследнике, продолжателе рода, о том, кто будет заботиться о земле после него: *'I mind more, not having a son, when I come here, than any other time," he said* [Я бы, пожалуй, даже обрадовался, роди ты от другого мужчины, - сказал он] (Lawrence 1962: 40). Высокомерие Клиффорда, его снобизм мгновенно меняет палитру красок окружающей природы для Конни:

The day had greyed over: the small blue sky that had poised low on its circular rims of haze was closed in again, the lid was down, there was a raw coldness. It was going to snow. All grey, all grey! The world looked worn out (Lawrence 1962: 45).

День поскучнел: серая дымка напозла, окружила и сокрыла голубой лоскуток неба, точно под крышкой - и сразу влажным холодом дохнуло на землю. Наверное, пойдет снег. А пока все кругом так уныло, так серо! Одряхлел весь белый свет! (Лоренс 1993: 49).

Автор расширяет тематическую сетку слов с отрицательной коннотацией *greyed over, poised low, a raw coldness, worn out* [делаться серым, опустились облака, промозглый холод, обветшалый], акцентируя внимание на невозможности будущего для супружеской пары. Мир рушится на глазах, что подчеркивается повтором конструкции *All grey, all*

grey! [Все уныло, все серо!] и восклицательным знаком в конце предложения.

Борясь с депрессией, Конни часто гуляет по лесу, от которого исходит «старая-престарая грусть». Ее отчаяние просматривается в описании пейзажа:

The air was soft and dead, as if all the world were slowly dying. Grey and clammy and silent, even from the shuffling of the collieries, for the pits were working short time, and today they were stopped altogether. The end of all things! (Lawrence 1962: 61).

Воздух напоен влагой и мертвящей тишиной, будто все кругом, умирает. Серо, стыло, тихо. Молчат и шахты: они работают неполную неделю, и сегодня - выходной. Кончилась жизнь (Лоренс 1993: 66).

Эпитеты *soft and dead, grey and clammy* [приглушенный, мертвый, унылый, влажный] с ярко выраженной отрицательной коннотацией вместе со сравнительной конструкцией *as if* завершающейся глаголом *dying* [как будто умирает], создают картину безнадежности с авторским комментарием *The end of all things!* [Кончилась жизнь, конец всему!].

С приходом весны, с пробуждением природы к Конни приходит желание жить, которое усиливается встречей с егерем их имения Меллорсом, человеком другого круга. Эта встреча изменила жизнь Конни и мир вокруг нее. Она стала замечать первые цветы, травы:

Wild daffodils! <...> Little gusts of sunshine blew, strangely bright, and lit up the celandines at the wood's edge, under the hazel-rods, they spangled out bright and yellow (Lawrence 1962: 79).

Дикие нарциссы - это и впрямь красота! <...> Л еще ветром принесло солнечные блики, они разбежались по опушке леса, где рос чистотел, вызолотили голые ветки орешника (Лоренс 1993: 86).

Текстовая импликация слов с яркой экспрессивной окраской в описании цветов передает волнение героини, пробуждение в ней новых неясных чувств и ощущений. А вид только что вылупившихся птенцов фазанов приводит ее в восторг и даже в экстаз:

The slim little chick was greyish brown with dark markings, and it was the most alive little spark of a creature in seven kingdoms at that moment. Connie crouched to watch in a sort of ecstasy. Life, life! Pure, sparky, fearless new life! New life! So tiny and so utterly without fear! (Lawrence 1962: 106).

В этом буром крапчатом колючке таилось столько жизни! Она играла, сверкала, как самый драгоценный алмаз. Конни присела и восторженно засмотрелась на птенца. Жизнь! Жизнь! У нее на глазах начиналась новая, чистая, не ведающая страха жизнь. Новая жизнь! Такое крохотное и такое бесстрашное существо! (Лоренс 1993: 115).

Автор создает эмоциональный портрет героини, которая ощущает новую жизнь всеми своими чувствами: осязанием, зрением, обонянием. Накал ее чувств становится понятным благодаря конвергенции стилистических приемов: простых и синтаксических эпитетов, экспрессивной лексики, повторами интенсификаторов и восклицательными конструкциями.

Двойственное состояние Конни, жизнь с нелюбимым мужем и тайные встречи с Меллорсом - все это раскрывается на фоне пейзажа. Когда Конни гуляет с мужем, она обращает внимание на раздавленные его коляской цветы:

But Connie walking behind, had watched the wheels jolt over the wood-ruff and the bugle, and squash the little yellow cups of the creeping-jenny (Lawrence 1962: 172).

Идя за креслом, Конни видела, как колеса, подпрыгивая на неровностях, давили голубые пики дубровок, белые зонтики лесного чая и крошечные желтые головки бальзамова яблока (Лоренс 1993: 186).

Все в муже раздражает ее, и все отрицательные эмоции она связывает с ним. И даже когда он восхищался английской весной (*What is quite so lovely as an English spring!*), Конни казалось, что она слышала речь в парламенте: настолько пафосно и неэмоционально это звучало. Совершенно по-другому Д.Г.Лоренс описывает пейзаж, когда героиня встречается с Меллорсом: чистое, ясное утро; торжественное пение птиц; свежесть распустившегося цветка; золотые лучи солнца. Конни сравнивает себя с дубравой, в которой на каждом дереве лопаются почки. Она - часть природы: *She was gone in her own soft rapture, like a forest soughing with the dim, glad moan of spring, moving into bud* [Тихое благоговение поглотило ее, точно весенний лес, с радостным вздохом тянущий ветви с набухшими почками навстречу солнцу, теплу] (Lawrence 1962: 129). В данном примере метафоры наслаиваются одна на другую, создавая поэтический образ весны, которая, как женщина, дарит жизнь. Для характеристики весны автор прибегает к олицетворению *glad moan of spring* [радостный вздох весны].

Кульминацией слияния человека с природой может служить апофеоз любви Меллорса и Конни под дождем. И если в сценах с Клиффордом плохая погода олицетворяет безнадежность, равнодушие, нелюбовь, внутреннюю холодность, пустоту, то в сценах с Меллорсом дождь - это олицетворение чистой любви, полного доверия, нежности. Дождь очищает, питает ростки нового чувства.

Проведенный анализ художественных произведений расширяет наше представление о самобытности английской нации. Мы становимся свидетелями трепетного отношения англичан к природе, к их единению с

ней и в беде, и в радости. Великолепный язык Д.Г.Лоренса позволяет судить об этой черте британцев как составляющей их ментальное™. На мучивший писателя вопрос о том, где же его Англия, он дает уверенный ответ. Автор убеждает читателя в том, что Англия - это любовь к живой природе, естественной или культивированной; работа на своей земле; привязанность к дому и дорогим людям. Талант писателя раскрывает способность англичан испытывать восторг от окружающего пейзажа, который является не только фоном событий, но и активным их участником.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арнольд ИВ.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М., 2002.
- Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология. М., 2008.
- Гавриленко О. В.* Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010.
- Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. М., 2008.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. М., 1998.
- Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. Серия: Лики культуры. М., 1994. Цит. по: *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. М., 2008.
- Лоренс Д.Г.* Любовник леди Чаттерли. Пер. с англ. И.Багрова и М.Литвиновой. Владивосток, 1993.
- Лоренс Д.Г.* Англия, моя Англия // URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/CHATER/genglandtxt> (дата обращения: 13.05.2013).
- Любимов М.П.* Гуляния с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. М., 2004.
- Матвеева Т.М.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010.
- Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. Пер. с англ. М, 1996.
- Овчинников В.В.* Корни дуба // Овчинников В.В. Сакура и дуб. М., 2008. С. 221-445.
- Ожегов СИ* Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. М, 1988.
- Полежаев Д.В.* Национальный характер и менталитет: исторические основания русско-европейского различия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Елабуга, 21-22 октября 2010 г. // URL: <http://www.egpu.ru/lib/elib/Data/Content/129344627721616218/Default.aspx> (дата обращения: 17.04.2013).
- Рябова М.Ю.* Аспекты теории языка и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). С. 199-204.
- Санжеева Л.В.* Менталитет как конструкция модели мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5. С. 184-189.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2008.
- Тер-Минасова СТ.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.
- Шестаков В.П.* Английская литература и английский национальный характер. СПб., 2010.

Hill, R. We Europeans. Brussels: Edition et Imprimerie, 1992.

Lawrence D.H. England, My England // Odour of Chrysanthemums and Other Stories. М.: Progress Publishers, 1977. P. 106-142.

Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover. USA: New American Library: A Division of Penguin Books USA, Inc., 1962.

Mikes G. How to Be an Alien // URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/mikesl.txt> (дата обращения: 15.03.2013).

T.I.Leontieva

Professor of English Language and Translation
Vladivostok State University of Economics and Service
tamara.leontieva@gmail.com

O.V.Filippova

Senior Lecturer
Vladivostok State University of Economics and Service
mimtl@mail.ru

SINGULARITY OF THE ENGLISH NATION: LINGLOCULTURAL ASPECT

The article deals with studying the national character and mentality of the English people with the help of culturological analysis of fiction. The works of D.H.Lawrence display the outstanding attitude of the English towards surrounding nature and reveal their ancient love for working on the earth. The method of cognitive and culturological approach to text analysis proves the idea that fiction is very helpful for understanding a nation's mentality.

Keywords: national character, mentality, cognitive approach, culture, linguoculturological portrait of the nation.

СОДЕРЖАНИЕ

Котюрова М.П. Предисловие	3
--	---

- I -

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Миф и имя <i>в диалектико-феноменологическом познании А.Ф.Лосева</i>	5
Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика И.А.Бродского <i>как завершение развития метапоэтики XXвека</i>	14
Котюрова М.П. Речевая системность (Кразвитию понятия)	27
Тихомирова Л.С. Алгоритм репрезентации оценки <i>научного знания в тексте</i>	45
Соловьева Н.В. Жанр - стиль - речевая индивидуальность ученого	54

- II -

Войтак М. Стереотипизация высказываний <i>в сфере административной коммуникации</i>	62
Лесневска Д. Коммерческая корреспонденция: <i>язык для специальных целей, эпистолярный дискурс,</i> <i>дискурс торговой сделки</i>	75
Ширинкина М.А. Речевая агрессия <i>в обращениях граждан к власти</i>	84
Сологуб О.П. Официонимы как единицы <i>официального функционирования языка</i>	95

- III -

Гаспарян Г.Р. Роль переводчика в межкультурной коммуникации	104
Кушнина Л.В. Синергетическая системность в переводе <i>в аспекте междисциплинарных исследований</i>	116
Леонтьева Т.И., Филиппова О.В. Самобытность <i>английской нации в лингвокультурологическом аспекте</i>	125
Шукина И.Н. Образ адресата в переводческом дискурсе <i>(на материале переводных текстов со словенского языка)</i>	136

- IV -

Кетова А.Ю. Экспериментальное исследование восприятия <i>публицистического текста экономической направленности</i>	153
Венгранович М.А. Синтаксические стереотипы <i>неформального типа в фольклорном тексте</i>	163